
ОБРАЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В МИРЕ: ФАКТОРЫ И ДИНАМИКА ВОСПРИЯТИЯ

Е.А. Котеленец

Кафедра истории России
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Россия, Москва, 117198

В статье анализируется процесс становления образа страны в мире с момента Революции 1917 г. и до распада СССР в 1991 г. Обращается внимание на роль исторических стереотипов о России, а также новых факторов, способных изменить восприятие страны и ее вклада в мировой прогресс. На основании анализа различных источников автор показывает характер и механизмы различных пропагандистских кампаний по формированию имиджа СССР и ее лидеров.

Ключевые слова: Советский Союз, образ, стереотип, внешняя политика, пропаганда, манипулирование.

22 года назад перестало существовать государство под названием СССР, которое теперь изучается как феноменальный в мировой истории проект «СССР».

Сейчас только намечаются подходы конструктивной дискуссии ученых различных направлений по поводу самого предмета изучения, определяется степень зависимости его от политической конъюнктуры, но уже очевидна точность некоторых наблюдений. Руководитель Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество) К.И. Косачев подчеркнул: «...Советский Союз весьма активно и не хуже своих тогдашних геополитических соперников пользовался «мягкой силой», пусть и не называя ее так... Репутация СССР по всему миру была как минимум не хуже того, что реально происходило в нашей стране, а в каких-то аспектах и лучше... Слепо копировать тот, прежний опыт нам никак не следует. Но, с другой стороны, совершенно очевидно, что отдача от той работы, если отбросить идеологию, все равно была существенно выше, чем от той, которая велась или, точнее, уже не велась позже, в частности в 1990-е гг.» (1).

Безусловно, формирование образа СССР определялось, прежде всего, историей и условиями противостояния двух общественно-политических систем – советской коммунистической и западной демократической (в советских терминах «капиталистической» или «буржуазно-демократической»).

Поэтому в данной статье нас будут интересовать следующие вопросы: как изменялся образ страны в советских условиях, как он зависел от внешнеполитической конъюнктуры, ужесточения или, наоборот, либерализации

политического режима в Советском Союзе, какие средства внешнеполитической пропаганды применяла Москва для создания благоприятного имиджа СССР и какие события советской жизни оказывали позитивное, а какие негативное влияние на восприятие страны в мире?

В ответе на эти вопросы автор опирается на такое понимание «образа», которое используется для обозначения устойчивой совокупности представлений, координирующих и регулирующих взаимодействие индивида с явлениями внешнего мира. Особое значение придается и стереотипному мышлению людей, которое открывает известные возможности для манипулирования сознанием, особенно со стороны тех, кто владеет СМИ.

Полюса западного восприятия революционных событий в России и рождения нового советского строя изначально запечатлелись в двух трансевропейских бестселлерах того времени – «10 дней, которые потрясли мир» Дж. Рида и «Россия во мгле» Г. Уэллса. Названия книг настолько красноречивы, что можно не объяснять, на чьей стороне находились авторы.

Довольно быстро сложился набор овеществленных стереотипов, связанных с образом СССР, и сохраняющихся вплоть до наших дней. В английском языке список существительных, наиболее часто сопрягаемых в англоязычных текстах с определением «русский», весьма показателен: «правительство», «революция», «народ», «президент», «рулетка», «оборона», «история», «официальные лица», «шпион», «балет», «нефть», «водка», «медведь». Из этого перечня к советским временам можно уверенно отнести слова «правительство», «революция», «народ», «оборона», «история», «официальные лица», «балет», «нефть».

Как известно, уровень благосостояния советских людей значительно уступал западно-европейскому и северо-американскому. Однако материальный достаток в сознании общества шел вторым планом по отношению к идеологическим ценностям. Господство безальтернативных СМИ позволяло власти ограждать население от «идеологически опасных источников информации».

В сознании большинства людей образ СССР строился на таких общезначимых ценностях, как бесплатные жилье, образование, медицинское обслуживание, отсутствие безработицы. То, что на Западе в образе Советского Союза эти черты отнюдь не преобладали, подавалось советской пропагандой как доказательство того, что правящие круги Запада, будто бы контролируемые СМИ и формирующие общественное мнение, «нас не любят». На Западе же в эпоху нэпа, который сами большевики рассматривали как временное тактическое отступление, всерьез надеялись на трансформацию СССР, сначала экономическую, а затем и политическую.

В своей внешней политике советское правительство с первых лет существования добивалось изменения мирового общественного мнения в пользу отмены блокады и установления дипломатических отношений с СССР. Внутри же страны создавался образ поддержки всех советских инициатив «мировой прогрессивной общественностью».

Очевидно, что советское руководство стремилось к конструированию положительного образа СССР в зарубежном общественном мнении. Большие усилия в связи с этим предпринимались для привлечения и впечатляющего приема зарубежных финансовых и предпринимательских кругов.

Далеко не всегда эти затраты приводили к успеху, однако зачастую они давали плоды. Джон Колдер – американский инженер, возглавлявший строительство Балхашского медеплавильного комбината, перед отъездом в США заявил в интервью: «Человек, который едет в Россию работать, будет доволен. Человек, который едет туда, чтобы брюзжать и соваться в политику, может спокойно вернуться обратно» (2).

Интеллектуальная элита Запада, представители которой посещали СССР в рамках проводившихся здесь международных симпозиумов и конгрессов, автоматически попадала в пропагандистскую сферу «Интуриста». Например, Ф. Смит – глава американской делегации на XVII Международном геологическом конгрессе, состоявшемся в июле 1937 г. в Москве, на приеме в Большом Кремлевском дворце констатировал: «Мы посетили крупнейшие институты и видели огромные достижения вашего инженерного искусства, нашедшего свое яркое выражение в замечательном канале Волга–Москва» (3).

Степень заинтересованности в том или ином зарубежном визитере была связана с потенциальной отдачей от его посещения СССР. Однако это отнюдь не значит, что «рядовой» турист выпадал из сферы советской пропаганды. И, соответственно, мнение таких туристов служило своеобразным индикатором эффективности советской пропаганды на Запад. Например, по итогам сезона 1929 г. «Интурист» получил достаточно большое количество благодарственных писем, что было важным показателем оценки его работы. Вот типичное письмо туристки из Варшавы, утверждавшей, что свое месячное пребывание в России она рассматривала «как одно из глубоких и чудесных впечатлений своей жизни» и что она «не встретила затруднений или неприятностей во время этого путешествия». Турист из Австралии сделал такую же хвалебную запись 3 сентября 1929 г.: «Интересная страна. Интересный народ». Группа туристов в письме от 10 августа писала: «Мы все желаем для России и Вашего народа наилучшего будущего и мы надеемся, что в конце этого пятилетнего периода мы сможем снова приехать в Вашу страну» (4).

Одной из основных причин не критичного взгляда на советский строй был глубокий духовный кризис, охвативший западную интеллигенцию в результате Великой депрессии. Разочарование культурной элиты Европы и Америки в ценностях собственного общества диктовало интенсивные поиски «счастья» за рубежом. При этом особо притягательными оказывались молодые государства, провозглашавшие цели построения общества справедливости и равенства.

Многие иностранные журналисты с любопытством восприняли советское плановое хозяйство, особенно на фоне депрессии западной экономики.

Известный американский журналист У. Дюранти в своей книге «Russia Reported» (1934) объяснял феномен пятилеток следующим образом.

Для исторического развития России как типично азиатской страны, писал он, характерно чередование периодов летаргического затишья и бездействия взрывами прогресса. Государство находилось в спячке два столетия, несмотря на то, что европеизированные императоры пытались пробудить его, призывая к индивидуальной инициативе и свободному предпринимательству.

Журналист утверждал, что коммунизм пришел к власти в России потому, что именно он был той «гальванизирующей силой», в которой нуждалась страна. По его мнению, пятилетки были призваны осуществить «психологическую встряску» населения. В такой ситуации, подчеркивал Дюранти, возможно применение любых методов, которые недопустимы в странах западной демократии. Исходя из этого завышенные планы были нужны потому, что русские рабочие выполняют искомые 100% лишь в том случае, если им будет поставлена цель 125%.

Дюранти называл советских руководителей «альтруистами», которые честно пытались создать дисциплинированную и уважающую себя нацию из орды вновь освобожденных рабов. Страдания и жертвы не имели значения, так как руководство само было готово умереть за это дело (5).

Своеобразную роль сыграл Дюранти в представлении миру проблемы голода в СССР в 1932–1933 гг. Советское правительство предпринимало все меры для того, чтобы скрыть истинные размеры бедствия. Почти одновременно с введением в декабре 1932 г. паспортной системы для советских граждан представителям зарубежных СМИ было запрещено покидать пределы Москвы и ее пригородов. Тем не менее, информация из районов, охваченных голодом, регулярно поступала в пресс-корпус. Однако о голоде писали лишь те зарубежные корреспонденты, которые навсегда покидали Советский Союз. Так американцы У.Г. Чемберлен и Ю. Лайонс пришли к выводу, что все происшедшее в Советском Союзе не имеет никакого отношения к социализму.

Известно, что в 1930-е гг. Советский Союз посетили популярные и влиятельные на Западе писатели Бернард Шоу, Анри Барбюс, Эмиль Людвиг, Герберт Уэллс, Ромен Роллан, Лион Фейхтвангер, Рафаэль Альберти, Андре Жид, Андре Мальро. Но лишь двое последних опубликовали весьма критические очерки советской жизни.

Беседы Сталина с Людвигом и Уэллсом были тогда же напечатаны как в советской, так и в западной периодике. Эти писатели, убежденные Сталиным, в своих статьях отрицали, в частности, массовый голод 1932–1933 гг. как следствие коллективизации. Слухи об этом голоде отражались в иностранной печати и сильно вредили положительному имиджу Советского Союза. А наибольший шум наделала книга Жида «Возвращение из СССР». Французский писатель поставил под сомнение стахановское движение. Он утверждал, что раз норму можно перевыполнить в несколько раз, значит, норма сильно занижена. Вместе с тем энтузиазм советских людей вызвал у

Жида искреннее восхищение. Он также показал удручающую бедность советской жизни в сравнении с французскими стандартами, с которой контрастировала роскошь, в которой жила советская элита.

Главное же, Жид усомнился в справедливости обвинений, выдвинутых против оппонентов Сталина на московских политических процессах: «Сомневаюсь, чтобы в какой-либо другой стране мира, даже в нацистской Германии, человеческая мысль была бы более порабощена, запугана и терроризирована» (6).

Книге Жида советские пропагандисты противопоставили книгу Фейхтвангера «Москва 1937». Там оправдывались фальсифицированные политические процессы над бывшими деятелями антисталинской оппозиции и утверждалось, что они прошли с полным соблюдением юридических норм.

Немецкий писатель-эмигрант восхищался планом реконструкции Москвы: «Никогда еще город с миллионным населением не строился так основательно по законам целесообразности и красоты, как новая Москва. Бесчисленные маленькие вспыхивающие точки и линии показывают: здесь будут школы, здесь больницы, здесь фабрики, здесь магазины, здесь театры. Москва-река будет проходить здесь, а здесь пройдет канал Волга–Москва. Тут будут мосты, а здесь под рекой пройдет тоннель, там протянутся пути для подвоза продовольствия, а вот здесь – для всякого рода другого транспорта, отсюда будем регулировать водоснабжение города, отсюда электроснабжение, а тут будет теплоцентраль» (7). Это был камень в огород Жида, утверждавшего, что увиденные им здания, за редким исключением, уродливы и совершенно не гармонируют друг с другом.

В то же время в мире сохранялось противоречивое мнение по поводу того, что представляет собой Советская Россия. С одной стороны, на него влияли отзывы тех иностранцев, которые смогли побывать здесь, в большинстве случаев увидели лишь пропагандистскую витрину советской действительности. С другой стороны, те немногие, кому посчастливилось выбраться из ГУЛАГа и благополучно попасть на Запад, а также несколько высокопоставленных советских перебежчиков, вроде Б. Бажанова, Г. Беседовского, Г. Агабекова и Г. Люшкова, опубликовали мемуары, в которых раскрывалась изнанка «советского рая» (8). Они рассказывали о тяжелом положении народа, массовых репрессиях и голоде, фальсификации политических процессов и моральном разложении советской верхушки.

Многочисленная (по числу названий) русская эмигрантская пресса в странах Запада практически не оказывала влияние на западное общественное мнение.

В отличие от свежих советских перебежчиков, белоэмигрантам довольно редко предоставляли свои полосы европейские и американские газеты. Исключение составляли те русские писатели и журналисты, которые свободно владели европейскими языками и публиковались в местной прессе. В их числе был Марк Алданов, чьи политические обзоры часто публикова-

лись во французской прессе и, безусловно, влияли на французское общественное мнение в негативном для СССР духе (9).

Что касается наиболее известного из числа коммунистов противника Сталина Льва Троцкого, высланного из страны в 1929 г., то он не оказывал существенного влияния на западное общественное мнение из-за своей одиозности для большинства политических сил и органов прессы. К Троцкому стали прислушиваться лишь во время московских процессов 1938 г. (10).

К тому же западные корреспонденты, присутствовавшие на процессах, в большинстве своем усомнились в обвинениях, предъявленных подсудимым. Постоянно аккредитованные в Москве западные корреспонденты, сознавая свою зависимость от советских властей и опасаясь высылки, давали, как правило, более лояльные корреспонденции, они подробно освещали экспедиции к Северному полюсу, сверхдальние перелеты советских летчиков, спасение «Челюскина» (11).

В конце 1930-х гг. на негативный имидж СССР повлияла постоянная демонстрация двойных стандартов в советской внешней политике. В то же время показателем и другим примером – воспоминания Джозефа Дэвиса, американского посла в Москве в 1937–1939 гг. Его доброжелательный отчет «Миссия в Москву», с восторгом описывающий результаты индустриализации, отрицающий массовый террор и одобрявший разумную расчетливость пакта Молотова–Риббентропа, стал бестселлером. В Голливуде по нему был поставлен фильм, сделанный в документальной манере, с актерами, исполнившими роли Сталина, Вышинского, Калинина.

Дело не в том, насколько искривлен был Дэвис в своем восхищении Сталиным, а в том, что он выполнял задачу, поставленную Государственным департаментом и президентом Рузвельтом, а именно: повернуть общественное мнение от возмущения сотрудничеством США со сталинским Советским Союзом в сторону поддержки совместной борьбы против гитлеровской Германии. Государственный заказ на дружески-позитивное отношение к Советскому Союзу и Сталину, в частности, в годы войны совпал с позицией левой интеллигенции.

Представить, какими глазами Запад смотрел на СССР до июня 1941 г., помогает и книга «Сталин в свете прессы и карикатуры», выпущенная в Германии в 1941 г. (12). Тогда СССР превратился из друга и союзника Германии в смертельного врага, и теперь немецкая пропаганда опять сделала Советский Союз своей основной мишенью. В книге были собраны карикатуры на Сталина не только из немецких, но также из английских, американских, испанских, итальянских и русских эмигрантских газет.

Ситуация коренным образом изменилась после германского нападения на СССР. В Англии, США, в оккупированных Германией и нейтральных государствах Европы на Красную Армию стали смотреть как на ценного союзника и даже спасителя Европы от нацистского ига. Естественно, стал формироваться положительный имидж СССР. Советские плакаты, и в частности, знаменитый плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничто-

жим врага!», неоднократно публиковались в 1941–1945 гг. в Англии и США, а также в Китае, Иране, Мексике и других странах. Все это способствовало росту популярности СССР в мире. Советский Союз представлялся верным союзником западных демократий, мужественно сражавшимся с общим нацистским врагом и приносящим в этих сражениях неисчислимые жертвы. Преступления нацистов в глазах общественного мнения как Англии и США, так и нейтральных стран затмили прежние негативные оценки СССР (13).

В феврале 1943 г. в Англии широко отмечалось 25-летие Красной Армии. Митинг в лондонском Альберт-холле с участием видных представителей правительства и всех партий, равно как и деятелей искусства (Джона Гилгуда, Лоуренса Оливье и др.), был организован министерством информации. То же министерство рекомендовало издателям задержать публикацию антикоммунистического произведения Джорджа Оруэлла «Ферма животных». Зато в Англии и США большую популярность приобрели как произведения русских классиков, так и советских писателей – М. Горького, В. Катаева, М. Зощенко, К. Федина и др.

Пик популярности Советского Союза в Англии и США пришелся на дни Сталинградской победы, когда стало ясно, что поражение Германии и ее союзников уже не за горами.

В то же время подготовка к возможному после победы над Германией противостоянию с СССР началась на Западе еще в конце войны.

Как отмечает российский историк Д.Н. Замятин, внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. оперировало, как минимум, тремя геополитическими образами СССР, которые восходили генетически к образу Российской империи. Два из них явно противостояли друг другу: образ европейской державы с традиционной внешней политикой и образ агрессивной полуазиатской державы, нацеленной на конфронтацию. А третий был достаточно противоречивым и объединял некоторые черты двух первых; для него также был характерен поиск устойчивых мистических основ, которые влияли на традиционный геополитический образ Российской империи-СССР (14).

После окончания Второй мировой войны образ Советского Союза на Западе снова стал меняться. С одной стороны, СССР воспринимался как непредсказуемая угроза, а с другой, как интригующий эксперимент.

Ухудшению образа способствовала не только поддержка Советским Союзом практически всех политических режимов, противостоявших западным представлениям о будущем мира, но и культивируемая в советском обществе атмосфера подозрительности к любому приезжавшему в страну иностранцу. Влияние оказывала и развернутая во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. кампания по борьбе с «безродными космополитами».

Два блока с антагонистическими системами вели идеологическую войну, главными инструментами которой были пропагандистские органы. С их помощью правящие элиты противоборствующих сторон убеждали граждан своих государств в обоюдной враждебности, утверждая в массовом сознании нега-

тивные образы друг друга. На Советский Союз переносились стереотипы, сформировавшиеся столетия назад по отношению к России. Не случайно в 1951 г., в разгар «холодной войны», в США был издан сокращенный перевод книги маркиза де Кюстина «Россия в 1839 г.» с предисловием тогдашнего директора ЦРУ генерала Беделла Смита. Он утверждал, что «книга может быть названа лучшим произведением, когда-либо написанным о Советском Союзе» (15). Заметим: не о России, а об СССР. Любопытно, что вышедшая тогда же, в начале 1950-х гг., книга известного американского журналиста Юджина Лайонса называлась «Народы СССР – наши секретные союзники» (16).

В методах конструирования позитивного образа СССР с советской стороны в послесталинское время произошли существенные изменения. Если Сталин и его соратники почти не покидали советские пределы (после Второй мировой войны исключение делалось в основном для стран, вошедших в советскую сферу влияния), то сменивший его Никита Хрущев, а позднее Леонид Брежнев и Михаил Горбачев стали активно ездить по миру, неоднократно посещая и ведущие страны Запада. В целом это позитивно влияло на образ СССР, доказывая западной общественности, что коммунистические лидеры вполне могут быть человечными в общении. Правда, порой экспансивность и грубость Хрущева, равно как и дряхлость Брежнева в последние годы его правления вызывали обратный эффект.

Однако в целом негативный образ СССР стал постепенно меняться к лучшему еще в начале 1960-х гг., когда после Карибского кризиса Хрущев предпринял первые попытки к разрядке международной напряженности. Зато Брежневу на протяжении целого десятилетия, с конца 1960-х до конца 1970-х гг., удалось проводить довольно эффективную политику «детанта» с Западом. Наряду с традиционными средствами создания положительного имиджа в виде балета, оперы, фольклорных ансамблей вроде «Березки», в эпоху «оттепели» появились и новые средства. Настоящим прорывом в плане демонстрации открытости советского общества стало проведение Международного фестиваля молодежи и студентов в Москве в 1957 г.

Большую роль в улучшении имиджа СССР сыграли успехи советской космонавтики, запуск первого в мире искусственного спутника Земли в 1957 г. и первого человека в космос в 1961 г. Газета «Нью-Йорк геральдтрибюн» на следующий день после полета Юрия Гагарина писала: «Русским удалось полностью опровергнуть идею о том, что Соединенные Штаты находятся впереди Советского Союза в области науки и техники. Эта идея была опровергнута уже тогда, когда Советский Союз вывел на орбиту свой первый искусственный спутник. Сейчас она полностью похоронена» (17). А видный английский астроном Бернанд Ловелл, комментируя полет Гагарина, заявил: «Это – величайшее достижение науки в истории человечества» (18).

На самом деле технологическое превосходство США ни тогда, ни в дальнейшем не было утрачено, а успех советской космической программы объяснялся тем, что она являлась придатком военного ракетостроения.

А вот эта военная составляющая советской космической программы, отнюдь не скрывавшаяся Никитой Хрущевым во время его публичных выступлений (он, в частности, утверждал, будто баллистические ракеты в СССР производят так же легко, как сосиски на мясокомбинате), вызывала у публики на Западе не восхищение, а страх перед советским ракетно-ядерным ударом. Так, еще в августе 1961 г., принимая в Кремле космонавта № 2 Германа Титова, Хрущев говорил, адресуясь к Западу: «У вас нет 50- или 100-мегатонных бомб, у нас есть бомбы мощностью свыше 100 мегатонн. Мы вывели в космос Гагарина и Титова, но мы можем заменить их другим грузом и направить его в любое место на Земле» (19).

Главным результатом деятельности как советского пропагандистского аппарата, так и самого Хрущева стало изменение международного имиджа страны в глазах мирового сообщества. Стереотип восприятия Советского Союза как закрытого общества, сформировавшийся при Сталине, стал постепенно разрушаться. Процесс этот остался незавершенным, но его значение нельзя недооценивать. Публичное осуждение Хрущевым Сталина и его политики репрессий на XX съезде КПСС, заявление о приверженности принципам мирного сосуществования воспринимались западной общественностью на «ура».

Советская внешнеполитическая пропаганда при Хрущеве активно изучала и заимствовала опыт западных пропагандистских служб, прежде всего США. Для формирования положительного образа Хрущева на Западе были задействованы пресса, радио, телевидение. Это был первый советский целевой пиар-проект, целиком ориентированный на западную аудиторию.

Пика популярности в мире имидж Хрущева достиг в конце 1959 – начале 1960 г., после визитов в США и Францию, когда Никита Сергеевич приобрел репутацию «миротворца», хотя никаких существенных соглашений с Западом тогда достичь не удалось. Преодолев советскую традицию, новые биографы придали облику Хрущева «для мира» значимые для зарубежной аудитории черты, например, наличие семьи, которая путешествовала вместе с ним.

Однако информации личного свойства о советском премьер-министре было по-прежнему недостаточно, из-за этого его международному имиджу не хватало черт, формирующих доверие аудитории. Он был хорошим оратором, умел находить для массовой аудитории ясные и доступные формулировки. Хрущев, по признанию западной прессы, стал «исполнителем главной роли в международном политическом спектакле» и «самым блистательным шоуменом мировой сцены». Но эти достоинства, годившиеся для советской аудитории, зачастую не работали перед аудиторией зарубежной. Хамство и грубость Хрущева, угрозы типа «мы вас закопаем», стучание ботинком по трибуне в ООН сильно ухудшили его имидж после 1960 г., который немного изменился к лучшему после преодоления Карибского кризиса 1962 г. и заключения договора о запрещении ядерных испытаний в трех сферах в 1963 г., но прежней популярности на Западе Хрущев уже не вернул (20).

В социалистических странах, где многократно повторялись лозунги типа «С Советским Союзом – на вечные времена!», образ СССР сформировался сугубо положительным, по крайней мере на уровне СМИ. Оппозиционно настроенная к коммунистам часть населения относилась к СССР негативно за его поддержку местных коммунистических режимов, однако эти настроения оставались в глубоком подполье.

Ненависть к Советскому Союзу выплеснулась наружу во время революции 1956 г. в Венгрии и сохранилась у значительной части населения после ее подавления. В Чехословакии, где еще с царских времен сохранялось хорошее отношение к России и русским со стороны большинства населения, после событий 1968 г. появилась обида на Советский Союз, задавившего «Пражскую весну». Что касается Албании и Китая, с которыми у советского руководства в начале 1960-х гг. возник острый конфликт, то там положительный имидж СССР старанием местной пропаганды был очень быстро заменен на отрицательный.

Советское вторжение в Афганистан в конце 1979 г., вылившееся в многолетнюю войну, привело к созданию устойчивого, негативного имиджа Советского Союза в мусульманских странах. Против СССР был введен ряд санкций, а ведущие западные державы и ряд мусульманских государств бойкотировали Московскую Олимпиаду 1980 г. Это во многом свело на нет эффект от пропагандистских усилий, направленных на то, чтобы представить Московскую Олимпиаду как торжество советской внешней политики, как демонстрацию роста престижа СССР в мире.

Негативный стереотип восприятия СССР на Западе сохранялся вплоть до второй половины 1980-х гг., когда «холодная война» достигла своей кульминации, а прежний страх перед советской ядерной мощью, приглушенный в годы разрядки, появился вновь. В марте 1983 г. президент США Р. Рейган, выступая перед Национальной ассоциацией евангелистов, назвал СССР «империей зла», позаимствовав образ из «Звездных войн» Дж. Лукаса.

Президент заявил: «При обсуждении предложений о замораживании ядерного вооружения я настоятельно прошу вас избегать соблазна гордыни, соблазна необдуманно объявить себя превыше всего и навесить ярлык виновности в равной степени на обе стороны, игнорируя исторические факты и агрессивные порывы империи зла, чтобы просто назвать гонку вооружений гигантским взаимонепониманием и тем самым устранившись от борьбы между справедливостью и несправедливостью, между добром и злом» (21).

Образ «империи зла» тут же нашел свое подтверждение, когда 1 сентября 1983 г. силами советской ПВО над Сахалином был сбит южнокорейский пассажирский лайнер «Боинг-747» (в результате погибли все 269 чел., находившиеся на борту). США и ведущие западные державы ввели в связи с этим санкции против советской гражданской авиации. В западной прессе прошла мощная антисоветская кампания. Пресса приводила трагедию с «Боингом» как доказательство «бесчеловечности» советской военной доктрины.

Имидж Советского Союза упал до одной из самых низших отметок за всю историю, особенно на фоне продолжающейся афганской войны и отказа Кремля пойти на компромисс по поводу размещения в Европе ракет средней дальности. Советский лидер Ю.В. Андропов заявил по поводу инцидента с «Боингом» в узком кругу: «Людей, конечно, жалко, но наша служба ПВО действовала правильно» (22). Только в ноябре 1992 г. во время визита в Сеул президент России Б.Н. Ельцин признал ошибочными действия советского военного командования и выразил глубокое сожаление по поводу гибели самолета и его пассажиров.

После провозглашения М.С. Горбачевым политики перестройки и концепции нового мышления имидж страны начал меняться, став максимально благоприятным за всю историю СССР. После первой встречи с Горбачевым в 1986 г. Рейган публично заявил о том, что больше не считает Советский Союз «империей зла». Очень скоро слова «гласность» и «перестройка» вошли в большинство европейских языков. В десятилетний юбилей горбачевских реформ президент Римского клуба Р.Д. Хохляйтнер заявил: «Перестройка – наиболее важное событие этого века для демократических стран всего мира» (23).

В западных столицах одобряли вывод советских войск из Афганистана, завершившийся в начале 1988 г. В высшей степени благоприятно было воспринято на Западе возвращение из ссылки академика А.Д. Сахарова, освобождение всех политических заключенных, прекращение преследований диссидентов.

Мир приветствовал Горбачева за отказ от подавления силой «бархатных революций» в государствах Варшавского договора, согласие на объединение Германии и вывод советских войск из Восточной Европы. Для западного общественного мнения Горбачев стал сильно улучшенным вариантом Хрущева. Во время встречи на Мальте в 1989 г. президент США Дж. Буш сказал Горбачеву: «Общественное мнение в США поддерживает Вас, решительно поддерживает перестройку, а также Вашу роль в развитии плюралистических процессов в Восточной Европе, роль, которая не сводится к сдержанности, а служит стимулом перемен» (24).

Бывший британский посол в Москве сэр Р. Брейтвейт вспоминает, что у Горбачева было все: «новые идеи, энергия, хитрость, честолюбие и непреклонность, необходимые политику, чтобы взобраться по скользкому шесту на вершину власти... Терять империю больно, но ядерная война была бы еще больней» (25).

На Западе Горбачев до сих пор остается глубоко чтимым политиком. Он снял с Запада психологическое напряжение «холодной» войны, и Советский Союз перестал внушать страх. В связи с присуждением Горбачеву Нобелевской премии мира за 1990 г. британская «Таймс» писала: «Многие ветераны “холодной войны”, в том числе Маргарет Тэтчер и президент Буш, поздравили Горбачева с тем, что он осуществил то, к чему так долго стремился За-

пад: демонтаж советской империи... Чтобы ни случилось в дальнейшем, своими достижениями мирового масштаба г-н Горбачев более чем заслужил не только Нобелевскую премию мира, но и благожелательного вердикта самой истории» (26).

Таким образом, в 1985–1991 гг. произошел радикальный перелом отношений между Западом и СССР, переход от образа врага, «империи зла» к образу партнера.

В целом можно констатировать, что в западном восприятии СССР соотношение критического и благожелательного варьировалось в разные эпохи и в разных странах. Это зависело от внешнеполитической и внутривнутриполитической конъюнктуры и от международной ситуации в целом.

Например, в Германии 1920-х гг. Советский Союз воспринимался как потенциальный союзник против Версальской системы, и в образе СССР преобладали положительные черты. Напротив, после прихода нацистов к власти Советский Союз был одним из главных врагов на международной арене, а поддерживавшиеся Москвой германские коммунисты – главным внутренним врагом.

Поэтому советский образ в германской прессе, поставленной под контроль министерства пропаганды, быстро превратился в карикатурный. Критика Москвы была прекращена после заключения пакта о ненападении 23 августа 1939 г., однако позитивный образ Советского Союза отнюдь не создавался. 22 июня 1941 г. антисоветская пропагандистская кампания в Германии, разумеется, возобновилась с невиданным прежде размахом.

Советский коммунистический эксперимент укреплял людей Запада в приверженности принципам демократии, рыночной экономики, прав человека. В то же время у той части общественности, которая симпатизировала левым идеям, социалистическое строительство в СССР вызывало в 1920-е гг. неподдельный интерес и надежду, что в случае его успеха нечто подобное можно будет повторить в европейских странах и в США.

Однако уже к середине 1930-х гг. насильственная коллективизация, голод, всеобщий дефицит и террор убедили большинство западных наблюдателей, что советский опыт для их стран никак не подходит, и это основательно дискредитировало социалистические идеи марксистского образца среди широких масс населения на Западе, но не среди интеллектуальной элиты. Окончательное же развенчание «большевистского эксперимента» в глазах западной общественности произошло в 1956 г., когда Хрущев огласил на XX съезде партии доклад о сталинских преступлениях, который, несмотря на его секретность, вскоре был опубликован на Западе.

Естественно, в своем восприятии России Запад никогда не был беспристрастным. Россия и Советский Союз всегда были для западных стран не только партнером, союзником или соперником (в зависимости от обстоятельств), но и неким культурным и политическим символом, знаковой страной на мировой геополитической арене.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) В мире сложилась презумпция виновности России // *Коммерсант*. – 2012. – 3 сентября.
- (2) См.: Советское зазеркалье. Иностраный туризм в СССР в 1930–1980-е годы. – М., 2007. – С. 111.
- (3) Там же. – С. 113.
- (4) Там же. – С. 118–121.
- (5) *Russia Reported*. – N. Y., 1934. – P. 82–86.
- (6) *Gide A. Retouches à mon «Retour de l' URSS»*. – P., 1937. – P. 22.
- (7) *Feuchtwanger L. Moskau 1937*. – Amsterdam, 1937. – P. 32.
- (8) См., напр.: *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. – М., 1992; *Бажанов Б.Г.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. – СПб., 1992; *Беседовский Г.З.* На путях к термидору. Кремлевские тайны. – М., 1997.
- (9) См.: *Чернышев А.* Гуманист, не веривший в прогресс // *Алданов М.* Дальние берега. – Ижевск, 1990.
- (10) См.: *Троцкий Л.* Краткие комментарии к вердикту. Вердикт международной комиссии о московских процессах // *Бюллетень оппозиции (большевиков-ленинцев)*. – 1938. – № 62–63.
- (11) См.: *Соколов Б.В.* Тайны Второй мировой. – М., 2001. – С. 142–143.
- (12) *Туров А.* Личный сатанист Сталина // *Еженедельный журнал*. – 2003. – 10 июня.
- (13) *Pase M. Stalin im Blitzlicht der Presse und Karikatur*. – Dresden, 1941.
- (14) *Daily Express*. – 1943, 5 Jan.
- (15) *Замятин Д.Н.* Власть пространства: от образов географического пространства к географическим образам // *Вопросы философии*. – 2001. – № 9; *Юнгблюд В.Т.* «Образы российской империи» и внешнеполитическое планирование в США в 1944–1945 гг. // *США: Экономика. Политика. Идеология*. – 1998. – № 6.
- (16) См.: *Мяло К.Г.* Хождение к варварам, или Вечное путешествие маркиза де Кюстина // *Москва*. – 1996. – № 12.
- (17) *Lyons Eu. Our Secret Allies. The Peoples of Russia*. – Lnd., 1954.
- (18) *New York Herald Tribune*. – 1961. – 13 April.
- (19) См.: *Зорин В.С.* В космосе советский человек. – М., 1961. – С. 11.
- (20) См.: *Первушин А.* Битва за звезды. – М., 2004. – С. 17.
- (21) *Зубков С.А.* Формирование международного имиджа Н.С. Хрущева 1955–1964 гг.: Автореф. дисс. ... к.и.н. – М., 2007.
- (22) *President Reagan's Speech before the National Association of Evangelicals* President Reagan addressed the annual convention in Orlando, Florida on March 8, 1983 // *The Reagan information page* <http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm>
- (23) См.: Бывший первый секретарь Крымского обкома КПУ Виктор Макаренко: «Километровые очереди за водкой в народе окрестили “петлей Горбачева”» // *Бульвар. Еженедельник светской хроники*. – Киев. – 2005. – № 4.
- (24) См.: *Кара-Мурза С.Г.* Советская цивилизация, западные левые и крах советского проекта. – Т. 2. – Ч. 2. – М., 2001. – С. 312.
- (25) Из телефонного разговора М.С. Горбачева с Г. Колем 11 ноября 1989 года // *Михаил Горбачев и германский вопрос*. – М., 2006. – С. 89.
- (26) *Брейтвейт Р.* Прощание с тоталитарной системой // *Форум мировой политики «Двадцать лет, которые изменили мир»*. – Турин, 4–6 марта 2005 г. // http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=475&art_id=24104.

- (27) The Times. – 1990. – 16 October; См. также: Колесников А. Литература эпохи Баракка // Газета. – 1990. – 16 апреля.

REFERENCES

- (1) V mire slozhlilas' prezumpcija vinovnosti Rossii, *Kommersant* [Kommersant], 2012, 3 September.
- (2) *Sovetskoe zazerkal'e. Inostrannyj turizm v SSSR v 1930–1980-e gody* [The Soviet looking glass. Foreign tourism in the USSR in 1930–1980s]. Moscow, 2007, p. 111.
- (3) *Tam zhe* [Ibid.], p. 113.
- (4) *Tam zhe* [Ibid.], pp. 118–121.
- (5) Gide A. *Popravki k moemu «Vozvrashheniju iz SSSR* [Amendments to my «Return from the USSR»]. Paris, 1937, p. 22.
- (6) Feuchtwanger L. *Moskva 1937* [Moscow 1937]. Amsterdam, 1937, p. 32.
- (7) Agabekov G.S. *ChK za rabotoj* [The Cheka at work]. Moscow, 1992; Bazhanov B.G. *Vospominanija byvshego sekretarja Stalina*. [Memoirs of the former Secretary-General of Stalin]. St-Petersburg, 1992; Besedovskij G.Z. *Na putjah k termidoru. Kremlevskie tajny* [On ways to the termidor. The Kremlin secrets]. Moscow, 1997.
- (8) Chernyshev A. *Dal'nie berega* [Distant shores]. Izhevsk, 1990.
- (9) Trockij L. Kratkie kommentarii k verdiktu. Verdikt mezhdunarodnoj komissii o moskovskih processah, *Bulleten' oppozicii (bol'shevikov-lenincev)* [Bulletin of the opposition (Bolshevik-Leninists)], 1938, no. 62–63.
- (10) Sokolov B.V. *Tajny Vtoroj mirovoj* [Secrets of the Second world]. Moscow, 2001, pp. 142–143.
- (11) Turov A. *Ezhenedel'nyj zhurnal* [Weekly journal], 2003, 10 June.
- (12) Pase M. *Stalin v osveshhenii pressy i v karikature* [Stalin in the coverage of the press and in caricatures]. Dresden, 1941.
- (13) *Daily Express* [Ezhednevnyj jekspress], 1943, 5 January.
- (14) Zamjatin D.N. *Voprosy filosofii* [Questions of philosophy], 2001, no. 9; Jungbljud V.T. *SShA: Jekonomika. Politika. Ideologija* [USA: Economy. Policy. Ideology], 1998, no. 6.
- (15) Mjalo K.G. *Moskva*. [Moscow], 1996, no. 12.
- (16) Lyons Eu. *Our Secret Allies. The Peoples of Russia* [Nashi Tajnye Sojuzniki. Narody Rossii]. London: Arco Publications Ltd., 1954.
- (17) *New York Herald Tribune* [N'ju-Jork GERAL'D Tribjun], 1961, 13 April.
- (18) Zorin V.S. *V kosmose sovetskij chelovek* [There is the Soviet man ispace]. Moscow, 1961, p. 11.
- (19) Pervushin A. *Bitva za zvezdy* [The battle for stars]. Moscow, 2004, p. 17.
- (20) Zubkov S.A. *Formirovanie mezhdunarodnogo imidzha N.S. Hrushheva 1955–1964 gg.: Avtoreferat diss. ... k.i.n.* [The formation of the international image of N.S. Khrushchev 1955–1964 gg.: The author's abstract of Diss.... PhD]. Moscow, 2007.
- (21) *President Reagan's Speech before the National Association of Evangelicals, Florida on March 8, 1983* [Vystuplenie prezidenta Rejgana pered Nacional'noj Associaciej Evangelistov, shtat Florida 8 marta 1983 goda], Available at: <http://www.presidentreagan.info/speeches/empire.cfm>.
- (22) *Bul'var. Ezhenedel'nik svetskoj hroniki* [Boulevard. Weekly gossip]. Kiev, 2005, no. 4.
- (23) Kara-Murza S.G. *Sovetskaja civilizacija Zapadnye levye i krah sovetskogo proekta* [Soviet civilization. Western leftists and the collapse of the Soviet project]. Moscow, 2001, vol. 2, part 2, p. 312.

- (24) *Mihail Gorbachev i germanskij vopros* [Mikhail Gorbachev and the German question]. Moscow, 2006, p. 89.
- (25) *Brejtvejt R. Forum mirovoj politiki «Dvadcat' let, kotorye izmenili mir»* [Forum of world politics «Twenty years that changed the world»]. Turin, 2005, 4-6 March, Available at: http://www.gorby.ru/rubrs.asp?rubr_id=475&art_id=24104.
- (26) *The Times* [Vremena], 1990, 16 October; Kolesnikov A. *Gazeta* [Newspaper], 1990, 16 April.

IMAGE OF SOVIET UNION IN THE WORLD: FACTORS AND DYNAMICS OF PERCEPTION

E.A. Kotelenets

Department of Russian History
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Russia, Moscow, 117198

The article analyses the formation of the country's image in the world since the 1917 revolution up to the break-up of the Soviet Union in 1991. Special attention is paid to the role of the historical stereotypes of Russia in this process as well as the new factors which can alter the attitude to the country and to its contribution to the world progress. Having examined many different sources, the author reveals the nature and mechanisms of several propaganda campaigns for the formation of the image of the USSR and its leaders.

Key words: Soviet Union, image, stereotype, foreign policy, propaganda, manipulation.